

СОЗИДАТЬ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ РАЗРУШАТЬ!

(интервью с Юрием Ивановичем Тарасьевым, первым заместителем генерального директора ЗАО «НПФ «ЦКБА»)

— Юрий Иванович, тема нашего интервью — новый закон «О техническом регулировании». И сразу вопрос. Вот жила-была система технического регулирования в России, худо-бедно работала. Зачем нужно было ее менять? Чем она была плоха? Зачем вообще понадобился новый закон?

— Есть некая официальная точка зрения, которая высказывается авторами и сторонниками закона о ТР. Она во многом убедительна. И вначале я бы хотел ее изложить.

Какова генеральная линия? Есть Европа, есть мир. Есть Общий рынок. И есть Россия, которая много лет была вне этого рынка, опиралась на собственные силы. И система стандартизации у нас была своя. Мы выходили «на уровень мировых стандартов», не видя этих стандартов, — к нам они, как правило, не доходили.

В Европе каждое государство тоже имело свою систему стандартизации, свою систему обеспечения качества и безопасности. Но потом возникло Европейское сообщество. Появились надгосударственные структуры, которые сначала просто выдавали рекомендации. Потом стали выходить документы, которыми можно было пользоваться, а можно было и не пользоваться. И по мере того как развивался единый европейский рынок — возникало желание всё это свести к одному порядку, к единым подходам, к единым нормам. И появились те самые директивы.

Кстати, главной целью первых европейских директив было вовсе не обеспечение безопасности. Делалось всё это, прежде всего, для открытия границ между государствами и облегчения торговли между ними. Чтобы все одинаково делали, одинаково мыслили, одинаково требовали. Потому что если вы требуете что-то одно, а я в своем государстве через границу требую чуточку иное — то возникают проблемы.

На протяжении многих лет они проводили работу по взаимному признанию, по унификации нормативов, по введению единых требований, постепенно создавая свои директивы, в которых на первый план уже выходили требования безопасности, экологии. И надо сказать, что они в итоге довели всё это до определенного логического конца. Скажем, директива по оборудованию, работающему под давлением, в этом году переведена в ранг европейского закона — и теперь ты не продашь свою продукцию ни в одну страну Европы, если не докажешь, что соблюдаешь эту директиву.

Теперь дальше. Россия стремится попасть в Общий рынок. Что будет в тот день, когда Россия там окажется? Первое что обнаружится, что вся система технического регулирования, которая действует у нас в России, не стыкуется с европейской. И авторы нового закона вполне логично говорили, что, если Россия хочет вступить в Общий рынок, у нее должна быть такая же система, такой же порядок, как в Европе. То есть, у нас должны действовать свои

Юрий Иванович Тарасьев

директивы¹, имеющие силу закона, которые бы гармонизировались с директивами европейскими.

Ведь у нас стандарт юридически — не закон, ибо уровень его утверждения не соответствует требованию Конституцией России уровню принятия и утверждения закона. Поэтому, с юридической точки зрения, соблюдение стандарта не является обязательным. Если раньше на всех стандартах имелось строгое предупреждение: «несоблюдение стандарта карается по закону», то сегодня такая запись уже не делается, и, если я делаю что-то не по стандарту — то никто не может меня ни в чем упрекнуть. Скажем, «Газпром» записал в одном из своих документов, что будет покупать только такую арматуру, которая соответствует требованиям стандартов API (Американского института нефти), а другую — не будет. Вопрос: законно это или не законно? Опротестовали: вышло разъяснение, что так нельзя. А «Газпром» говорит совершенно цинично, мол, я покупатель, и я так хочу. И, извините, я даже это и провозглашать не буду, а просто выберу того поставщика, у кого продукция соответствует API. И кто может меня судить? Может, у этого покупателя арматура на три процента дешевле или просто мне он больше нравится? И мне вот почему-то кажется, что он лучше. А про API — это я вам на ушко говорю, но на суде не скажу.

— Ну, так многие наши продвинутые заводы, которые работают на экспорт, давно делают всё по API, ISO и другим иностранным стандартам. Они про наши стандарты уже и забыли, наверное.

¹ В законе документ, аналогичный директиве, назван «техническим регламентом».

— Вы не совсем поняли. Никто не запрещает использовать чужие стандарты, дело в другом. Те же стандарты API — они имеют характер доказательной базы. То есть, служат для доказательства выполнения требований директив или национальных законов. А у нас стандарты сами по себе, кроме них есть только правила безопасности Ростехнадзора, которые, хотя и согласованы с Минюстом, но уровня Закона тоже не имеют.

Вот, например, в регламенте или в директиве будет написано: необходимо для таких-то условий обеспечить полную герметичность изделия. Никто не пишет, как — есть много способов это обеспечить. Но есть ГОСТ 9544 на классы герметичности. Он не диктует, где какая герметичность должна быть, только сообщает, что герметичность по классу А (это и есть полная герметичность) — она такая-то и такая-то.

Теперь: предположим, Вы — заказчик. У Вас есть требования регламента, что в вашей системе арматура должна быть полностью герметичной. Вы приходите ко мне и говорите — сделай мне такую арматуру. Я говорю: давайте посмотрим ГОСТ, что значит «полностью герметична»? Ага! Это класс А. И мы пишем в договоре: «по классу А», ссылаясь на ГОСТ 9544. Я изготавливаю изделие и сообщаю: мое изделие соответствует регламенту, оно полностью герметично. Вы говорите: как ты это докажешь? Я говорю — проведу испытания. Методика испытаний и требуемый результат оговорены в ГОСТе. Провели испытания. Посмотрели: действительно, герметичность такая, как в ГОСТе написано, значит, доказано, что изделие соответствует требованиям регламента.

Подчеркиваю — ГОСТ не устанавливает норму! Норму как раз должен устанавливать регламент, имеющий силу закона. А ГОСТ, как и любой другой стандарт — это справочник до того момента, пока две стороны не сказали: мы работаем по вот этой таблице, по вот этим показателям. Причем мы с вами в договоре можем сослаться на другой стандарт, на тот же API (если он признается в России), — что мы его будем использовать для доказательства того, что продукция соответствует условиям договора. И это будет наше внутреннее дело. Но в той части, которая касается требований безопасности — должен действовать регламент, который юридически сильнее договора, и его требования мы обязаны выполнить. А уж за их пределами можем договариваться о чем угодно.

Вот эту роль стандартов — как доказательную базу для регламентов или директив — многие не понимают или не хотят признавать. Потому что сегодня в самих наших стандартах есть требования, относящиеся к безопасности. Авторы закона «О техническом регулировании» вполне справедливо говорят, что если мы хотим продавать свою продукцию за рубежом, то должны вывести те требования, которые связаны с безопасностью, на уровень закона. И в этом с ними можно согласиться. А вот дальше они заявляют, что, значит, стандарты вообще не нужны — и вот это уже явный перебор.

— Как это «не нужны»?! Но в законе целая глава про стандарты!

— Утверждение это появилось на волне критики нынешней системы технического регулирования. Система плохая, с этим трудно спорить. Стандарты, плюс правила Ростехнадзора, плюс санитарно-

эпидемиологические нормы — всего много и всё это юридически нестрого. И это будет тормоз при вхождении в ВТО. Но это только один аспект, а есть и другой. Авторы закона справедливо говорят, что все стандарты устарели, что они многими не соблюдаются, что в этих стандартах правил безопасности нет или они изложены неверно. Это действительно так.

Вот возьмем перечень продукции, которая подлежит обязательной сертификации. Арматура туда попала, и выглядит это так. Наименование: «арматура трубопроводная», а дальше написано, соответствие каким нормативным документам в части безопасности арматуры должно быть подтверждено (а сертификация — это же подтверждение соответствия чему-то). Там указаны пять ГОСТов. Если вы откроете эти ГОСТы, то обнаружите, что два из них вообще не имеют никакого отношения к безопасности арматуры. Один ГОСТ на окраску, в другом сказано, что фаски должны быть притуплены — вот он, главный вопрос безопасности арматуры! И упомянут лишь один из многих документов, которые действуют по безопасности в Ростехнадзоре. Остальное не проверяется! И то, что у меня есть сертификат и потому я имею право продать вам арматуру... Да вы подорветесь на ней еще так! Потому что по существу ничего не подтверждено, никакая безопасность, только разговоры. Это всё игра в сертификацию.

— Так было раньше?

— И сегодня то же самое. Регламентов-то нет, ни одного пока не принято.

— Но закон «О промышленной безопасности» не отменен, он действует.

— Этот закон готовил Ростехнадзор. И там нет понятия «сертификат», там введено «разрешение на применение». Это еще один документ, который надо получить, хотя у вас сертификат есть, который вроде бы подтвердил соответствие требованиям безопасности. Ваше изделие нужно будет уже сравнивать не со стандартами, а с правилами безопасности Ростехнадзора. Система получается двойная: чтобы поставлять продукцию на опасный объект — мало идти в Росстандарт, надо еще и в Ростехнадзор.

Должен действовать один-единственный сертификат — и всё! Это правильно, и мы за это стоим. Но сертификат этот должен подтверждать соответствие изделия всей совокупности требований в части безопасности. Требования эти будут узаконены регламентом. То есть нужно сложить вместе то, что проверяет Ростехнадзор и то, что проверяет Федеральное агентство по стандартизации. Ведь всё это и так обычно делает одна и та же фирма. НАСТХОЛ, например, и сертификаты оформляет, и разрешения на применение. Но он делает это по-разному и выдает два разных документа. И дважды берет деньги. Не потому что он такой плохой и жадный, а потому что в одном случае он должен иметь дело с Федеральным агентством, а в другом случае — идти совсем в другую сторону — в Ростехнадзор.

Эта система и сегодня продолжает действовать. Новый закон ситуацию даже еще больше запутал. Авторы «подняли на новую высоту» сертификат — ведь за рубежом тоже «сертификат». Но в законе ни слова не говорится о разрешении на применение. Как будто такого документа не существует. И появились интересные моменты. Вот, например, мы отправили в Ростехнадзор документы, чтобы

получить разрешение на применение крана для ж/д цистерн. Отправили всё, что требуется по их правилам, включая сертификат. И получили очень вежливый ответ (по телефону, не письмом): а вы знаете, мы этот сертификат не признаем. Почему? Потому что это госстандартовский сертификат! Вот дайте нам экспертное заключение третьей независимой стороны, которую мы признаем...

И это еще полбеда, что дважды нужно документы оформлять. Страшно другое: система, в которой нет разделения ответственности, не может обеспечивать безопасность! Я поясню, что я имею в виду. Вот Ростехнадзор, он по закону — контрольный орган. Но он же взял и создал правила безопасности. Он их создал, он сам же и контролирует!

И вот я открываю эти правила — в части арматуры там написаны, мягко говоря, непонятные вещи. Там написано черным по белому, что основным типом запорной арматуры являются задвижки, как будто не существуют и широко не применяются различные типы затворов, успешно конкурирующих с задвижками. Далее сказано, что задвижки можно делать только от DN 50 мм. У нас 16 тысяч французских задвижек диаметром 10, 15, 20 мм прекрасно работают на сероводороде на Астраханском газоперерабатывающем заводе. А российских задвижек таких диаметров мы не проектируем — нельзя! Зато краны там до последнего времени упомянуты были только типа «штрак», которые мы уже давно позабыли — это 50 лет назад был какой-то специальный кран для сыпучих сред. А сейчас там написано — так Ростехнадзор решил, — что применять краны можно, только если невозможно применить задвижку и невозможно применить клапан. И это при том, что все магистральные газопроводы укомплектованы шаровыми кранами, и краны, наряду с затворами, по праву считаются одним из главных конкурентов задвижек.

— И до сих пор это действует?

— Чуть-чуть исправлено: убрали слово «штрак»...

Да, «Ростехнадзор» должен как контрольный орган иметь высокий статус, он не должен подчиняться никому кроме правительства. Но очень важный принцип разделения ответственности состоит в том, что если я создаю нормативный документ — то я не вправе его контролировать. Контролировать должен другой. Потому что если я сам создаю и сам контролирую — то я в жизни не скажу, что мой документ плохой.

— В принципе, в новом законе именно такой порядок и предусмотрен. Только надзирать согласно закону надо за исполнением регламентов, а их нет...

— Возвращаясь назад, я готов бы был под многим подписаться, что говорят авторы закона, если бы из этого не следовал совершенно неожиданный вывод: Госстандарт надо ликвидировать, систему стандартизации убрать, стандарты не нужны. Вот давайте сделаем регламенты законами прямого действия, тогда стандартов не надо никаких. Ведь стандарт — юридически слабый документ, им можно манипулировать, торговать, можно на основании стандарта что-то выдавать, отсюда взятки и так далее — поэтому отменим все стандарты! Была у них такая вот крайняя позиция, которая, может быть, не всегда высказывалась дословно, но смысл её именно таков, и своими действиями они это подтверждали.

— А кто же все-таки эти «они», кто авторы закона-то?

— Ну, я не знаю, насколько это можно объяснить... Скажем так: есть группа лиц, которая антагонистично настроена к Госстандарту как таковому, потому что, мол, Госстандарт нанес большой вред стране, сформировав систему сертификации, которая ничего не подтверждала, а только деньги всасывала. Вот в недрах этой группы и родился новый закон.

В процессе подготовки нового закона Госстандарт был резко раскритикован. Была серия статей в прессе, которая низводила его роль «к нулю», где говорилось, что это, мол, люди, которые ничего полезного не делали, а только брали взятки да торговали сертификатами. Что реально никакой безопасности и подтверждения соответствия не существует, что все это надуманная надстройка для выворачивания карманов, что всё оплошлено до предела.

Они добились очень многого: превратили Госстандарт в федеральное агентство без всяких прав, подчинили его Министерству промышленности и энергетики, сократили объемы его финансирования, заморозили разработку новых стандартов. Но когда они выполнили всю эту разрушительную работу, и надо было начинать созидать — тут оказалось, что они беспомощны. Да, в этой группе есть неплохие специалисты: юристы, люди, которые раньше занимались защитой прав потребителей, боролись за то, чтобы водка была не «паленая», а лекарства качественные. Но никакого отношения к техническому регулированию, к промышленной безопасности они никогда не имели и на все смотрели вот именно глазами защитников потребителей.

Поэтому поначалу, готовя Закон, они в какой-то момент написали много такого, что страшно было читать. Но потом быстро сориентировались, что есть же за рубежом аналогичные документы, и многое позаимствовали оттуда. Узаконив эту новую систему, они отвергли всякую критику, официально заявив, что новый закон ей не подвержен. И даже выиграли тендер на разработку регламента на безопасность эксплуатации и утилизации машин и оборудования, выпустили его проект. И переписали туда все стандарты и все правила — всё! Потому что это же «закон прямого действия»! Получился такой вот семисотстраничный труд, в котором «смешались в кучу кони, люди», и читать его невозможно, руководствоваться нельзя, и если кто-то когда-то его узаконит — это будет катастрофа. Там было запи-

сано, например, как запускать насос. То есть, Госдума должна утвердить порядок запуска насоса на опасном объекте: «нажмите кнопку, откройте задвижку на 1/3, через три минуты после того как давление достигнет величины 30% от общего уровня, откройте ее полностью и...».

— ...и если не работает — проверьте, включена ли вилка в розетку! Дума это обязана утвердить, как же иначе!

— Их спрашивают: «Ребята, а если мы установим схему без задвижки, а с напором сверху будет среда подаваться. Это можно?» — «Да. Вы придете в правительство, и оно внесет в Думу закон, чтобы было можно». Ну, если мы так будем работать... Мы это уже проходили, у нас когда-то была система стандартизации, когда «нарушение стандартов карается по закону», а чертеж давали с точностью до фаски. И завод не мог поменять фаску 45 градусов на фаску 30 градусов. Тогда эта система стандартов была аннулирована (кстати, во многом, благодаря лично Б.В. Максимовскому²); в один день отменили где-то 700 с лишним стандартов на арматуру — вот этих деталей — и стали выпускать стандарты общие. Ведь что получается, когда пытаются делать «законы прямого действия»? Прогресс тормозится, а безопаснее не становится.

За рубежом сначала директивы тоже были «прямого действия». Но потом они там поняли, что так не получается, и у них появилось понятие «новый подход». Там сказано, что помимо директив должны быть стандарты, разъясняющие эти директивы. Более того, на основании директив Германия, скажем, издает уже свой закон о безопасности. И имеет ряд стандартов, на которые этот закон ссылается.

А у нас сейчас это один из моментов, по которому идет непримиримая война.

— Кого с кем? Понятно, что на одной стороне баррикад — «группа авторов». А с кем они воюют?

— Они воюют с теми, кто отстаивает необходимость стандартизации как важной составляющей обеспечения безопасности во всех аспектах. Это широкий круг специалистов, занимающихся проектированием, изготовлением и эксплуатацией технических устройств для опасных производственных объектов, Федеральное агентство по стандартизации и его институты: ВНИИС и ВНИИНМАШ. Они не согласны с принижением роли стандартов, критикуют закон. Поначалу, когда шло обсуждение самого закона, Росстандарт был низложен, и все критические замечания авторам закона удавалось игнорировать. Но когда речь зашла о подготовке регламентов, это оказалось не так просто, как они думали... И сегодня опять начали поднимать голос те, кого они «били». Разработана концепция стандартизации. Появились очень серьезные статьи в журналах. Например, начальник одного из управлений Федерального агентства по стандартизации написал принципиальную статью, которая опубликована на страницах журнала «Стандарты и качество». В этой статье говорится, что закон «О техническом регулировании» нуждается в корректировке, и указаны конкретные позиции, по которым нужно его корректировать. Потому что закон в его нынешнем виде

тормозит сегодня выполнение того, что он сам же и предписал.

Многочисленные общественные обсуждения проектов регламентов показали, что у нас имеются умнейшие, классные специалисты, готовые к активному творческому участию в создании действенной системы обеспечения безопасности. Кстати, именно благодаря жесткой критике регламента о безопасной эксплуатации и утилизации машин и механизмов, когда ставился даже вопрос о профессиональной пригодности его авторов, нынешняя редакция проекта этого закона уже может хотя бы читаться.

Ныне позиция многих специалистов, и я эту позицию полностью разделяю, такова: «Не нужно акцентировать внимание на том, что было раньше. Да, система стандартизации была несовершенна и себя во многом дискредитировала, многое делалось не так, в чем-то была создана потемкинская деревня. Но теперь-то надо говорить о том, что нужна деревня-то. Не потемкинская, но она же нужна! Давайте ее строить!»

— Вот именно! А то ведь три года уже прошло из семи отпущенных на подготовку техрегламентов, и ни одного не принято.

— Ну, это как раз нормально. Работа огромная, и она идет. Проекты регламентов пишутся, обсуждаются, правятся. ЦКБА участвует сегодня, по крайней мере, в подготовке четырех очень серьезных регламентов. Это регламент по безопасности машин и оборудования, по безопасности магистральных трубопроводов, процессов в металлургической промышленности, безопасности сосудов, работающих под давлением выше 0,07 МПа. Нами разработана первая редакция регламента по безопасности промышленной трубопроводной арматуры. В ближайшее время она будет в установленном порядке представлена на суд общественности. Будем ждать замечаний. А уж замечания к проектам — их только ленивый сегодня не пишет, идет волна — огромная — по всем вопросам. Хотя есть и толковые замечания. Ну и проблема в том, конечно, что пока не решены концептуальные моменты, о которых шла речь выше.

— Но в целом — ситуация «утрачивается» постепенно?

— Конечно. И большинство регламентов, в конце концов, примут, хотя какими они будут — вопрос пока открыт.

— Но ведь есть и те, кто вообще против нового закона, требует его отмены.

— Да, есть и такая позиция. Эти люди говорят: как только гармонизируем нормы, сюда хлынет поток импортных товаров, который остановить мы не сможем, потому что они действительно лучше. А продукцию большинства наших производителей там просто не купят, даже если мы всё будем соблюдать. Может получиться игра в одни ворота.

— Но в этом есть резон! Если мы гармонизируем свою систему технического регулирования с европейской, сюда пойдет оттуда арматура итальянская, немецкая, английская — и снесет тут всё. И зачем нам тогда новая система?

— Не надо забывать, что вся эта работа ведется не в связи с арматурой, а в связи со всей совокупностью производимых товаров. У нас есть целый ряд отраслей, которые ждут не дождутся, когда это будет, а есть целый ряд отраслей, которые кричат, вопиют: не надо этого делать. И, в частности, нам, арматурщикам, по уровню большинства наших

² Максимовский Борис Витальевич — Генеральный директор Сертификационного центра НАСТХОЛ, председатель ряда технических комитетов, управляющих подготовкой регламентов.

заводов это будет крайне опасно. Это надо понимать. А если всё время говорить лишь о том, какие мы молодцы, что у нас великое прошлое и так далее — то это приведет к тому, что целый ряд наших заводов исчезнет с лица земли, потому что им места не найдется на рынке.

— **И какова должна быть наша позиция?**

— Мы не можем говорить «не надо систему технического регулирования менять». Нельзя идти против течения — снесёт. Наверху никого не волнует, что арматура погибнет: ну, будет в бюджете одна маленькая строчка на ее закупку за рубежом... Ничего страшного: те же американцы не делают у себя, например, готовальни, и никогда их не делали — лучше купить в Швейцарии. Есть целый ряд других видов продукции, на которой вы не найдете клейма «сделано в США».

— **Это понятно — международное разделение труда.**

— Итак, мы идем в общем направлении, но при этом стараемся создать для арматуры такие условия, чтобы у нее был свой регламент, свои требования, чтобы арматуру выделить, чтобы на нее обратили внимание...

— **А ведь в Европе отдельной директивы на арматуру нет...**

— Что касается Европы... Вот некоторые люди говорят: а зачем вся эта суета с регламентами? Сколько денег тратится! Возьми зарубежные нормы, все директивы как есть и начинай их в России внедрять! Переведи тот же ISO, ссылайся на него, узаконь его в России, присвой ему русский номер, и не мучайся. Никто тебя не осудит — это разрешается. Так миллион раз делалось, когда стандарт зарубежный брали, издавали в России и им руководствовались.

Вроде бы такой вывод напрашивается. Но выявляются очень интересные два нюанса и их надо очень хорошо себе представлять. Первое — наш российский менталитет. Там в директиве можно написать, что такие-то требования «в рамках здравого смысла». И этого достаточно. Там все понимают, что такое «здравый смысл».

— **И прежде всего там суды понимают, что такое «здравый смысл». А у нас — не понимают суды таких вещей, им конкретную норму подавай. Именно поэтому у нас «законы прямого действия» изобрели...**

— Но это все тоже из-за нашего менталитета. Когда на Западе выходит закон — фирма садится и думает, как его исполнить. Когда у нас выходит закон — фирма садится и думает, как его обойти. Это принципиальная разница! Когда закон стараются выполнить — то в нем можно многое недоговаривать. Там достаточно сказать: вот это должно быть — и не говорить, каким образом. Там это сплошь и рядом. Они дают простор для принятия решений. А у нас прямо так нельзя. И переписать стандарты в регламенты тоже нельзя — прогресс остановится. Поэтому у нас не получится зарубежные нормы один в один использовать. Нужно по-своему создавать систему.

Второй момент — тоже принципиальный. Нет никакой гарантии, что если европейское — то это правильно.

— **Мы ж не глупее...**

— Я даже допускаю — пусть они умней нас. Но дело вот в чем. Наша система обеспечения безопасности, надежности на протяжении многих лет

складывалась немного иным образом, нежели там. Допустим, во всей документации на арматуру сегодня есть показатели надежности, которые характеризуют свойства арматуры — например, срок службы, ресурс, вероятность безотказной работы. А откройте каталог любой зарубежной фирмы — вы не найдете там таких показателей. Я спрашиваю фирму: ребята, мы ставим вашу вещь на опасный объект, я хочу знать, какова вероятность, что она меня не подведет. Они говорят: «А зачем это? Вот у нас написано, что мы соблюдаем требования PED (Требования по безопасности к оборудованию, работающему под давлением). Расчеты все на высшем уровне. Материалы, которые мы применили — их можно на эти условия применять, это доказано. Методы контроля, которые мы использовали, достаточны, чтобы выявить любые дефекты, которые есть. Чего вы боитесь, какая вам нужна вероятность? Вот вам изделие, полностью отвечающее требованиям безопасности для сосудов, работающих под давлением. В чем и расписываемся».

И, в принципе, крыть нечем. Но что любопытно: многие европейские фирмы знают свои показатели, они их где-то там вычисляют у себя. Однако, они не считают необходимым сообщать их потребителям, и по большому счету это правильно. Потому что все эти цифры — они от лукавого, их подтвердить очень сложно. А вот если вы обеспечили необходимый уровень контроля техпроцессов, правильный расчет, выбор материала, конструкцию отработали и провели достоверные испытания — не надо никаких цифр.

Но я не убежден, что в России применим этот метод. Если это пишет английская фирма — я ей готов поверить (хотя, кстати, бывает, что нас просто дурят). А мы не готовы к этому.

— **То есть, в России необходимо, чтобы человек обязался за конкретную цифру, а не за то, что он что-то выполнил?**

— Больше того, вся наша система сложилась так, чтобы отслеживать эти показатели. И если применить европейские нормы один в один — это нашу систему порушит. В арматуре есть методика расчета на этапе проектирования — мы считаем все эти показатели. Методика оценки по результатам испытаний, методика оценки по результатам эксплуатации — везде собираются данные, везде анализируются, везде считаются...

— **...(язвительно) и все равно, прямо-таки мистическим образом, арматура не может проработать положенные ей тридцать лет.**

— Против прухи, знаете ли, интеллект бессилён. Но я-то говорю о том, что у нас есть свое собственное оружие для борьбы за безопасность. Можно его профанировать — что и делается. Можно подтасовывать данные, можно исказить результат — это уже другой вопрос. Но по существу своему это оружие не хуже, а лучше того, что есть у них.

— **Может быть, как раз чтобы компенсировать особенности менталитета...**

— Независимо ни от чего — просто неправильно копировать все, что есть там. У них тоже недоразумений в нормах хватает. Скажем, тот факт, что в Европе на арматуру нет единого регламента — ничего в этом хорошего нет. Арматуру с приводом они считают «машиной и оборудованием». Но дальше говорят, что если арматура управляется мускульной

силой человека, то это не машина. И это не подпадает под те директивы, которые касаются машин и оборудования. Что совершенно непонятно — ведь безопасность определяется не тем, вручную я управляю или от привода. Безопасность определяется последствиями того, что мое изделие не выполнит свою функцию. Оно должно закрыться — вручную или нет — а не закрылось! Оно должно быть целым, а оно разорвалось и выпустило агрессивную среду наружу. С этой точки зрения система директив, которая существует сегодня в Европе, далеко не оптимальна. И мы стоим за то, чтобы у нас в регламентах было единое понятие арматуры, какая бы она ни была: ручная, приводная, предохранительная, запорная. И, прежде всего, нам нужен отдельный общий регламент на арматуру. Да, мы не в состоянии в этом регламенте узаконить все те специфические технические требования, которые могут предъявляться к арматуре конкретных назначений — например, арматура для магистральных газопроводов совсем иная, чем арматура для перевозки опасных грузов — и требования к ним совершенно разные. Но есть общие понятия, общие требования к безопасности арматуры вообще. А регламенты на отдельные процессы, на свои специфические направления, должны иметь раздел «требования к арматуре».

— Юрий Иванович, участие НПФ «ЦКБА» и НПИАА в разработке регламентов, наша политика в этом вопросе — это тема отдельного разговора. Наш журнал периодически публикует материалы об этом и намерен публиковать такие материалы в дальнейшем, даже более подробно.

— Что ж, я готов активно участвовать в таких публикациях.

Ну а в целом, о новом законе осталось сказать, наверное, следующее. Я не претендую на истину в последней инстанции. И ситуация очень динамична, всё время что-то меняется. И если бы я давал интервью не сейчас, а через неделю, то, возможно, сказал бы что-то новое, а о чем-то сказал бы иначе. Вдруг какие-то доводы появятся, которыми я сегодня, в эту минуту не владею? И, может, завтра я, например, соглашусь, что действительно нужен закон прямого действия. Только надо определенным образом понимать, что значит «прямого действия». Нет сейчас однозначности, ясности во многих вопросах формирования новой системы технического регулирования. Созидать ведь всегда сложнее, чем разрушать. Поэтому нужно прекратить взаимные обвинения, забыть, хотя бы на время, о былых грехах — и работать. Работы сейчас — непочатый край.

Интервью провел А.Ю. Горелов